

в осаде сидел... И в том же году, за неделю до Оспожина заговейна (т. е. 23 июля. — А. Р.), из осады из Озова меня, холопа твоего, всем Донским Войском посылали к турецким пашам и х крымскому царю против их посланных речей говорить. И я, холоп твой, к турецким пашам и х крымскому царю от Войска говорил и по их войсковому велению. И был я у них два дни да ночь и пришел х Донскому Войску в Озов в осаду и их обманная речи Войску розсказал¹.

Живую связь деятелей войсковой канцелярии с воинским бытом казаков мы можем иллюстрировать интересным историческим примером. Войсковой дьяк Михаил Петров, как видно из его челобитной на царское имя (от 23 апреля 1650 г.), действовал не только пером, но и мечом, и „на той... государеве службе и на бою, обливаясь кровию, тут же с Войском Донским был и тебе, государю, служил и за тебя, великово государя, умирал“². Дьяк Петров тяжело раненный попал в плен к татарам, был продан в рабство, переходил из рук в руки, побывал в Азове, в Крыму, Царьграде, Сувазе, затем через Кавказ бежал на Терек, оттуда переехал в Астрахань, попал, наконец, снова на Дон, где его „учинили войсковым дьяком попрежнему“. „А в роспросе донские станичники... про нево, Михайла, сказали, что у них на Дону человек знатной, а у государевых дел и у войсковых писем работает войсковым дьячьим именем давно“³.

Мы имели случай отметить и политическую деятельность одного из войсковых дьяков, Федора Порошина, видимо автора Поэтической повести, который в трудную для казачества минуту выбирался Войском и посылался в Москву в составе станицы в качестве ее есаула, той самой станицы, которая везла отписку с чрезвычайным известием о победе казаков и с просьбой к царю принять Азов⁴.

Итак, постоянное ведение всевозможных переговоров с друзьями и врагами, с татарами, турками, ногайцами, калмыками, персианами, запорожскими казаками и т. д., отчеты об этих переговорах в отписках на царское имя, кроме того, привычка к постоянным публичным выступлениям в войсковом и станичных кругах, яркий народный юмор, не стесняемый на Дону никакими социально-политическими преградами, — все эти исторически обусловленные явления казачьей жизни не могли не создать, как нам кажется, своеобразной культуры „ораторской“ речи. Письменное оформление и обработка этой речи протекала в войсковой канцелярии, что и отразилось на рассмотренных „речах“ отписок, а также на „речах“ Особой, Исторической и, главным образом, Поэти-

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 585; подробнее о Лосеве см.: А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 22—23.

² Донские Дела, кн. 4, стлб. 501—502.

³ Там же, стлб. 509.

⁴ См. подробнее в нашей статье „Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове в „Докладах и сообщениях филологического факультета Московского университета“, вып. 5, М., 1948.